

Под голубым небом цвели два ряда вишневых деревьев.

Между ними пролегла дорога, которая вела к бетонной стене, окружавшей обширную территорию. На воротном столбе к западу от входа были выгравированы слова «Академия Такаакита».

Сами ворота стояли открытыми, но никто не проходил через них. График, висевший на створках, гласил: «Весенние каникулы».

Для тех, кто только-только пересекал ворота, центральная аллея с вишневыми деревьями по краям тянулась дальше.

Деревья на той стороне тоже стояли в цвету. Дорога пролегла между спортплощадкой, занимавшей полгектара справа, и комплексом боевых искусств, размером с большой зал, слева.

Затем она вела не к зданию школы, а к учительскому корпусу.

С четырёх сторон света вокруг него расположились учебные корпуса. Помимо шести общеобразовательных существовали и специализированные, но всё это считалось одной школой. Обеспечивая подходящие условия, одни здания окружали ряды деревьев, но другие имели исследовательский центр с бункером или асфальтированную дорожку для вождения.

Здания, размещенные совсем рядом со учебными корпусами служили общежитиями для учеников.

Школа занимала площадь размером в три четверти города. Там также размещалось несколько торговых районов, ферм, фабрик, где работало множество людей, живших в городе.

Каждое сооружение внутри имело определенный знак — эмблему ИАИ, Института Авиации Изумо. ИАИ поддерживало этот академический городок.

Однако во время весенних каникул академия практически пустовала.

То же относилось и к западным школьным корпусам, рядом с главными воротами.

И лишь одинокую фигуру можно было обнаружить рядом с общеобразовательным корпусом 2-го года обучения, слева от учительского корпуса.

На балконе второго этажа у аварийной лестницы стоял юноша.

●

Несмотря на весенние каникулы, он носил школьную форму, в пиджаке и при полном параде, пуговицы его рубашки застёгнуты до самого воротника.

Его волосы были зачесаны назад, и с обеих сторон выделялась только одна белая прядь. Ниже были пронзительные глаза и резкие черты лица.

Его взор устремился в небеса.

По голубому небу плыли тонкие белые облака, и пространство широкой кривой рассекали очертания самолета.

— Значит, американские солдаты в Ёкоте тоже живут без отдыха. Они, как и я, предпочитают высоты. И они тоже не спешат домой при малейшей возможности.

Он взмахнул левой рукой, и манжет соскользнул — на его кулаке виднелся белый шрам, а на среднем пальце прочно сидело женское кольцо. Вдобавок на левом запястье обнаружились серебряные наручные часы. Стрелки показывали полвторого.

Он вытащил из кармана листок бумаги.

«Саяма Микото-сама. Для полной передачи полномочий, оставленных Вашим дедом, покойным Саямой Каору, мы просим Вас прибыть в Токийский Комплекс Общего Назначения ИАИ Окутамы 30-го марта в 18:00.»

Это было приглашение. К простенькой записке прилагалась визитка ИАИ с именем человека, приглашавшего Саяму.

— Профильный директор ИАИ Оширо Казуо, хм?

Тот самый старик, да?

Когда дед Саямы умер, тот престарелый мужчина раньше всех примчался на похороны. Высокий седой старик постоянно носил белый халат ИАИ. Они какое-то время поддерживали связь друг с другом, и мужчине, кажется, нравилось, когда Саяма называл его «стариком».

Но глядя на приглашение, Саяма пробормотал:

— Мой дед был корпоративным шантажистом, так что за «полномочия» у него могли остаться в ИАИ?

Он развернулся и посмотрел на аварийный выход и стену. Алюминиевая дверь была отполирована, но стена запылилась от песка и грязи. Поддавшись внезапному приступу любопытства, он подошел к стене и дотронулся до неё. Песок осыпался и остался на пальцах.

— Хм...

Едва он отряхнул пальцы, аварийный выход немного приоткрылся.

Из образовавшейся щели выглянула молодая женщина в штатском. Каштановые локоны её волос всколыхнулись и голубые глаза уставились туда же, куда и Саяма незадолго до этого.

— Э? — произнесла она, слегка наклонив голову.

— Располагайтесь, Ооки-сенсей, — произнес Саяма. — У Вас, должно быть, куча свободного времени, раз Вы в школе во время весенних каникул.

Услышав это, женщина по имени Ооки нахмурилась и повернулась:

— Я уснула и... стой, то же касается и тебя. Ты решил всецело насладиться юностью, глядя в облака в подобном месте? К тому же, Саяма-кун...

— В чем дело? Если у Вас есть вопрос, то выкладывайте.

— Хорошо, мой первый вопрос: почему ты общаешься с учителем в таком тоне?

— Это моя манера поведения. Если начнете об этом спрашивать, вы попадёте впросак, Ооки-сенсей. В любом случае, еще вопросы есть?

— Ладно, мой следующий вопрос: если я ударю ученика во время весенних каникул, будет ли это считаться школьным насилием?

— Неважно, пока никто не узнает. Занятно, а кого Вы собираетесь ударить? Это, должно быть, тот еще нарушитель, раз он сумел Вас так разозлить.

— А теперь, мой последний вопрос: ты когда-нибудь смотрел на себя в зеркало?

— Я пользуюсь им подолгу каждый день. Вы действительно любите задавать очевидные вопросы.

— Глупо было задавать вопросы тому, кто переполнен такой оригинальностью. В самом деле, ты уверен, что такая манера поведения — это нормально?

В ответ на назойливый комментарий Саяма с силой отдернул руку от стены в сторону. Ткань рукава хлопнула.

— Не волнуйтесь. Я веду себя подобным образом со всеми. В конце концов, я намереваюсь следовать по тому же пути и в будущем. Может, прозвучит эгоистично, но не хочется, чтобы люди говорили, что я вдруг начал вести себя самоуверенно, как только повзрослел... Хотя для Вас это может оказаться несколько хлопотно, правда?

Шея Ооки расслабилась, легкая улыбка появилась в ответ на последнюю фразу:

— Тебе стоит спросить у других учителей. Хотя, похоже, я останусь твоим классным руководителем и на следующий год.

— Значит, Вам удалось заполучить в свой класс одного из лучших учеников. Отличная работа как для начинающего учителя с минимумом полномочий.

— Ты бы стал мне симпатизировать, если бы я сказала, что другие учителя сбрасывают превосходных, но чересчур самостоятельных учеников на меня?

Саяма положил руку на плечо Ооки и кивнул с совершенно серьезным выражением лица:

— Если Вы ищете симпатии, то с Вами все кончено, Ооки-сенсей. Хотя, быть может, вы только на краю обрыва.

— Извини, но это меня раздражает, потому, прошу, перестань, — с полуприкрытыми глазами Ооки вышла на аварийную лестницу.

Почесав голову, она сказала:

— Говорить с тобой утомительно. Ты все воспринимаешь всерьёз.

Саяма легко улыбнулся:

— Всерьёз? Я...

— Разве нет? Ведь тебя выбрали вице-президентом на выборах школьного совета, и у тебя превосходные оценки.

— Так и есть, — кивнул Саяма. Он скрестил руки на груди и задумался. Три секунды спустя, — Я ни за что в жизни не брался всерьёз. Я просто не могу себя принудить.

— ...Что?

Саяма проигнорировал вопрос Ооки и пожал плечами:

— Дело в том, всё, с чем я сталкивался в школе, заканчивалось раньше, чем я успевал взяться за это всерьёз. Помнится, когда-то меня обругал дед. Он говорил мне никогда не останавливаться на малом.

— Вот как, — произнесла Ооки, кивнув. Она облокотилась на перила у лестницы, — Твой дед был удивительным человеком. Сравнивая тебя с ним, я могу понять ход твоих мыслей.

— Да. Если сравнить с дедом, который мог дать японской экономике смачную пощечину из-за кулис, вице-президент этого академического городка ничего не стоит.

— Это многого стоит.

— Но ведь суть в том, что я никогда по-настоящему себя не испытывал. Во время вице-президентской гонки мой соперник впал в отчаяние настолько, что, в надежде заполучить популярность, танцевал голышом. Против меня у него не было и шанса.

— А не ты ли запустил петарду ему в зад как раз во время его голого выступления?

— Нет, это был Изумо, когда он крушил всех в своей президентской гонке. Он даже взял металлическую трубку в качестве ствола для увеличения точности. Весьма нетипичное поведение для ученика третьего года.

— В таком случае мне лучше не спрашивать, кто взорвал сцену после этого...

— Лучше не спрашивать... Вы постепенно учитесь налаживать жизнь, Ооки-сенсей?

— Да-да. Но я волнуюсь за свою участь в роли следующего консультанта при школьном совете, — Ооки нахмурилась и вздохнула, перед тем, как продолжить. — Школа и впрямь для тебя так скучна?

После этих слов Саяма замер.

Он направил свой взгляд навстречу голубым глазам Ооки.

После небольшой паузы, он слегка покачал головой.

— У меня нет претензий к школе. Правда в том, что и выборы школьного совета, и оценки —

вещи столь незначительные, что мне не нужно всерьёз напрягаться ради них. Однако это не значит, что школа скучна. Вполне естественно относиться к ней как к незначительному месту. И я думаю, в школе есть своя прелесть.

— Ну что за сложный ребенок...

После краткой паузы Ооки перегнулась через перила, на которые опиралась, и взглянула в небо.

Тогда же Саяма взглянул на часы. Было 2:50.

— Ооки-сенсей, я думаю, мне пора возвращаться в общежитие.

— Ты скоро уходишь?

— Да. Как только переоденусь в костюм, мне нужно будет получить нечто схожее с завещанием моего деда.

Саяма открыл запасной выход. Ооки торопливо оторвалась от перил и направилась к открытой двери. Саяма также вошел на территорию школы, затворив за собой двери.

Саяма шагал по коридору бок о бок с Ооки. К боковой стене класса был прикреплен последний номер школьной газеты. Первый PR-клуб размещал газету раз в неделю. Она обычно состояла из статей, связанных с ИАИ, также в этом номере отражался уровень школьной занятости в ИАИ, равно как и другие статьи.

Ооки остановилась, глядя на один из заголовков на уровне глаз, что были ниже уровня Саямы:

— Они обнаружили многосолнечную звездную систему, с большой вероятностью пригодную для жизни... Это потрясающе!

— Её обнаружили буквально на днях. Простого взгляда на статью хватит, чтобы понять, насколько сложно будет воплотить всё остальное.

Саяма указал на другую статью. Фотография рядом с ней изображала громадный набор машинерии, рухнувшей на обширную асфальтированную площадь.

— Согласно этому, они создали восьмиметрового двух-педального робота и потерпели крах. Суставы оказались настолько слабыми, что его колени сломались от простой ходьбы... Что бы

мы там ни обнаружили, грош этому цена, если нет технологий для его воплощения.

— Хмм. Это прямо как встречаешь красивую девушку, но не знаешь, как с ней заговорить.

— Я рад, что Вы так мудры. Вы таким путем находите себе отговорку?

— Ну, на прошлое Рождество кое-кто из моих друзей и я... стоп, нет!

Когда Ооки это произнесла, Саяма понял, что она пристально на него смотрит.

На что она смотрит? Задавался он вопросом.

— Разве моя улыбка такое редкое явление?

— Не такое и редкое. Просто любопытное.

Ооки двинулась дальше. Саяма последовал за ней.

— Могу я попросить рассказать о твоём дедё? — спросила Ооки.

— Разумеется, — ответил Саяма.

Ему нечего было скрывать. И поэтому он рассказал.

Пока они шли, парень говорил о многом.

Он поведал о том, как его дед оставил театр военных действий во время Второй Мировой и занялся неким исследованием.

— И похоже, Институт Авиации Изумо был связан с этим уже тогда. После войны он использовал прошлые связи и открытия как основу для внедрения в финансовый мир, и стал корпоративным шантажистом.

— Корпоративный шантажист, вот как?

— Он делал множество ужасных вещей... Каждый раз, когда его имя появлялось в газете, он выдавал одну и ту же фразу...

Ооки кивнула и оборвала его:

— Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея, да? Я видела её однажды в еженедельнике.

— Именно так. Мой дед был злодеем до мозга костей. Стоило ему признать достойного противника врагом или злодеем, как он начинал сражаться с ним, становясь еще большим злом. И... вот поэтому я не хочу браться ни за что всерьёз.

— Почему же?

— Я неопытен. Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея. Мой дед всегда говорил, что мои способности предназначены для исполнения необходимого зла. Однако он умер, научив меня лишь тому, как это делать.

— Значит... ты не знаешь, когда именно твое зло необходимо?

— Точно. Я не хочу умирать, так что, возможно, настанет время, когда мне придется действовать всерьёз. Однако действовать всерьёз, не зная, действительно ли это необходимо, поистине ужасает.

Говоря это, Саяма вдруг приложил правую руку к груди.

Когда он засунул руку под пиджак и прикоснулся к груди, Ооки бросила, не глядя в его сторону:

— Звучит так, будто тебе по-своему с этим тяжело.

— Да, — он кивнул.

— Тогда, могу я спросить о твоём отце?

— Зачем?

— Я никогда не спрашивала в прошлом году, хоть и была твоим классным руководителем, и...— она немного смутилась. — Я думаю это часть работы учителя.

Саяма кивнул, слегка поддерживая левую сторону груди. Переведя дух, он заговорил:

— Здесь не о чем волноваться. Это мелочи. Другое дело, как много Вы уже знаете, Ооки-сенсей? Мне любопытно.

Ооки подняла взгляд и скрестила руки на груди:

— Твоего отца усыновил твой дед, и он вошёл в состав ИАИ в одно время с твоей матерью. Однако его убили во время Большого Кансайского Землетрясения в конце 95-го. Твоя мать, нуу... она взяла тебя с собой и...

Увидев горькую улыбку Саямы, Ооки затихла.

— Перед тем как попросить Вас об этом не переживать, мне следует кое-что подкорректировать. Мой отец стал вторичной жертвой землетрясения, когда был послан ИАИ в качестве ликвидатора.

Саяма перевел дыхание. Он поднял пустую левую руку. На этом изрубцованном левом кулаке, на среднем пальце виднелось женское кольцо. Жемчужное украшение слабо сверкало в тускло освещенном коридоре.

Ооки по ходу движения повернулась, чтобы на него посмотреть.

Саяма тоже смотрел на кольцо, не глядя на учителя:

— «Следуй туда, где ждет важный для тебя человек», хм?

Проговорив слова через силу, Саяма ощутил, будто что-то движется у него в груди слева.

Это боль.

Разрывающая сердце

Она нарастала.

И тогда Саяма увидел, что Ооки смотрит на него с побледневшим лицом.

— Саяма-кун. Т-ты в порядке?

Он попытался ответить «да», но понял, что не может дышать. Когда его тело наклонилось вперед, он почувствовал, как его вдруг поддержали чьи-то руки.

Ооки подхватила его сзади.

— А...

Когда он услышал голос Ооки, все телесные ощущения вернулись.

Сначала пришла слабость. Но затем он почувствовал, что снова может дышать, и как со спины и ног заструился пот.

Он вернул силу ногам, чтобы встать, но Ооки все еще слегка придерживала руки рядом с ним.

— Ты в порядке?

— Со мной все хорошо.

— Серьёзно? Окей? Ю а окей?

— Ай эм Окей, но это неправильный английский, — похоже его тело возвращалось в норму. Он кивнул и сказал, — Я в порядке, так что не переживайте. Похоже, у меня стрессовая стенокардия от этой темы.

— Тогда зачем ты согласился об этом говорить?

— Разве Вы не сказали, что хотите знать? Вы и вправду ужасный учитель, если об этом забыли.

— Ох, да, но...

Отрицая это, Ооки начала отчаянно махать руками, а Саяма вновь улыбнулся.

— Зачем Вы пытаетесь опровергать? Подумайте об этом. Я волен говорить всё, что хочу. И вы вольны поддержать меня, когда я упаду. Я бы сказал, вы сделали благое дело. Не согласны? Но позвольте сказать одну вещь, — Саяма убрал правую руку от груди. — Моя мать всегда говорила мне, что надеялась, будто я однажды смогу что-нибудь свершить. И мне любопытно, сделала ли она в своей жизни что-либо. И вот сейчас ребенок, выросший, слушая это, не имеет ни малейшего представления, что ему делать. И поэтому я должен спросить: что же мне делать?

— Теперь понятно. Значит, ты не знаешь, что делать, — Ооки кивнула, и её плечи опустились. Она взглянула на Саяму, и со всей серьёзностью произнесла, — Я начинаю понимать, почему ты впадаешь в крайности по любому поводу.

— Я не могу пропустить этого мимо ушей. Кто это, по-вашему, впадает в крайности?

— Что? Ты меня не слышал? У тебя там что, нос вместо ушей?

Левая рука Саямы отвесила молниеносный щелчок по лбу той, что так серьёзно задавала вопросы.

— Ааааай, — застонала Ооки, присев.

Саяма поднес руку к подбородку и произнес:

— Некоторые учителя могут говорить ужасные вещи о своих учениках.

В итоге Саяма не покинул общежитие вплоть до начала пятого.

Ушло немало времени на переодевание в костюм-тройку, доставшийся от дедушки, и подготовку печати и диктофона, необходимые для официальной записи. Он написал свое время ухода на регистрационном столе в общежитии и ушел.

Солнце в небе еще не зашло.

Саяма шёл по мощёной площадке между учебными корпусами и общежитием. Ее обычно использовали как факультетскую стоянку. Он направлялся к главным воротам.

Срезав и повернув за корпус второго года, парень услышал пение птиц в листве.

Прислушавшись к ним, Саяма обратил внимание на два других звука.

Первым была органная музыка, доносящаяся из музыкальной комнаты на втором этаже школьного здания.

— Silent Night...

Саяма вспомнил, что обычно слышал его по выходным. Но это первый раз, когда он смог определить, откуда точно исходил звук. Парень задался вопросом, кто же там играет, но исполнение было настолько безупречным, что он решил, ученик так не сможет.

На фоне играющего органа приближался иной звук.

Шум мотора мотоцикла. Если точнее, низкий рокот 4-тактного двигателя.

Поняв, что он доносится от главных ворот, Саяма пробормотал:

— Изумо и Казами.

Затем он вышел на асфальтовую дорогу к западу от здания школы.

Парень взглянул вперед на учительский корпус, обширную спортплощадку и центр боевых искусств и обнаружил двух человек верхом на мотоцикле, вынырнувших из-за угла клубного здания. Несмотря на обилие выхлопов, черный прогулочный мотоцикл плавно двигался по дороге.

В седле мотоцикла находились хорошо сложенный парень в легком коричневом пиджаке и коротковато стриженная девушка с черным рюкзаком за спиной. Спина, оголенная безрукавкой девушки, была развернута в сторону Саямы.

Мчась на мотоцикле, парочка переговаривалась.

Неожиданно, парень обратил внимание на Саяму. Его довольно худощавое лицо окрасила дружелюбная улыбка.

— Здоров, — произнес он с поднятой рукой.

Затем остановил мотоцикл рядом с Саямой.

Парень был выше 180 сантиметров и довольно широкоплеч, потому без труда поддерживал вес мотоцикла одной ногой.

Девушка мягко покачнулась и примостилась на спине у парня.

Парень улыбнулся, когда девушка оперлась на него.

Он поднял глаза и промолвил:

— Куда это ты намылился, Саяма-полудурок? Опять изрыгать оскорбления на кого-то?

Саяма приложил руку ко лбу и вздохнул.

С голосом, предвещающим бурю, он произнес:

— Изумо, в отличие от тебя, у меня всё в порядке с головой. И я никогда ни на кого не изрыгаю оскорблений, больной ублюдок.

— Ну да, конечно. Спасибо, что сохраняешь свою манеру поведения и во время весенних

каникул.

— Не стоит благодарностей. Но, в самом деле, нужно ли трем членам школьного совета вести подобный разговор?

Молодой парень, Изумо, горько улыбнулся.

— Конечно, нет, — он кивнул.

Девушка, опиравшаяся ему на спину, повернулась в их сторону:

— Саяма, ты направляешься в ИАИ, да?

— Так и есть. Казами, Изумо, а что вы?

— Я просто рулил в общежитие, чтобы позабавиться с Чисато... кх!

Едва он это сказал, голова парня вздернулась. Девушка по имени Казами подхватила его голову и челюсть сзади. Шея Изумо болезненно хрустнула, и он мягко упал навзничь.

— Каку, он не об этом спрашивает. Саяма хотел узнать, откуда мы приехали.

Голова Изумо прилегла отдохнуть на коленях Казами, и парень перестал двигаться.

— Хороший мальчик, — произнесла Казами, глядя его по голове. Затем она показала Саяме рюкзак за спиной и улыбнулась.

— Мы ездили в город. Купили немного одежды, новую музыку, и прочие вещи к Фестивалю Всеобщего Отдыха. Когда живёшь на окраине Токио, совсем забываешь о культуре.

— Ясно. Однако вы ученики третьего года и живете вместе, разве не так?

Казами взволнованно задумалась на секунду, затем сказала:

— Ну, так вот оно вышло. Теперь, когда я мешаюсь с людьми, они осторожничают и не знают, как на меня реагировать. В общежитии я теперь вроде старшей сестры. Младшеклассник однажды даже извинился, просто проходя мимо меня в холле.

— Твое лицо окаменело.

— Ой, извини, — опустив голову, произнесла Казами, а затем расслабила плечи. Она вскользь шлепнула рукой Изумо, что лежал неподвижно у нее на коленях. — Не становись дураком, как он, хорошо? Он злоупотребляет своей властью, как наследник ИАИ.

— Мне кажется, ты всецело этим наслаждаешься.

— Я знаю, и потому меня это так бесит. Ему следует хотя бы свою работу в школьном совете воспринимать серьезно, — Казами приподняла руку и взглянула в глаза Саяме. — Да, кстати, Саяма. Я планировала провести наш первый в семестре сбор школьного совета в Библиотеке Кинугасы, в корпусе второго года. У тебя есть время? Мы вдвоем могли бы подумать о планах на Фестиваль Всеобщего Отдыха и Пригласительный Фестиваль, что этой весной.

— Сегодня мне нужно уйти, и я не знаю, как поздно вернусь.

— Завтра днем мы снова поедem в город, так как насчет девяти утра в Библиотеке Кинугасы?

— Думаю можно, — согласился Саяма. Он оглянулся на школьное здание рядом с ними, — Библиотека Кинугасы, да?

На нижнем этаже восточного крыла общего корпуса второго года выдавалась отдельно площадь размером в четыре класса. По ширине она тянулась на две классных комнаты, так что внутри могло поместиться восемь.

При взгляде в окна видны спинки толстых деревянных панелей. Они формировали силуэты книжных полок.

Комната служила библиотекой.

Практически все восьмиклассовое пространство занимали книги, вместе с тем как дополнительное хранилище использовались коридор и подвал. Это и есть Библиотека Кинугасы.

Пока Саяма глядел в её окно, он услышал голос Казами:

— Библиотека, созданная основателем школы, неплохое место для нашей первой работы, как думаешь? Мы часто пользовались ей во время выборов, поэтому я подумала, нам стоит занимать её и дальше. А старик Зигфрид, библиотекарь, хоть и нелюдимый, но всё равно подаёт чай.

— Казначей этого года и вправду необычен.

— Мне кажется, президент и вице-президент и того необычнее. Ну так как, что скажешь?

Выпускники вроде нас подходят такому гордецу, как ты?

— Я думаю, одна эта фраза доказывает, что ты можешь соревноваться со мной в гордыне... Ну, во всяком случае, в этой школе нет никого, кто подошел бы лучше. Изумо Каку, наследник ИАИ, которая поддерживает нашу Акигаву, и Казами Чисато, что делит с ним одну комнату, воистину беспокойные подростки.

— ...

— То ли вы не знаете, как мир отзывается о вас. Но эта способность вести себя как обычно, несмотря ни на что, заслуживает моё уважение.

Услышав это, Казами слегка оскалилась и опустила взгляд на Изумо, лежащего на коленях:

— Пусть говорят, что хотят. Каку, может, и создает проблемы, но он совсем неплохой человек.

— То же относится и к тебе, Казами.

— А что же ты, Мистер Злодейская Семья? — девушка подняла голову, чтобы взглянуть на Саяму. Ее взгляд скользнул вверх и вниз по его наряду. — Видок у тебя приличный, но ты вечно все усложняешь.

— Каким образом?

— Мне сложно представить, кто бы мог стоять рядом с тобой. Я не могу вообразить того, кто бы уравнивал твой идиотизм, как вот Каку для меня.

— Нет никого, у кого хватит сил на то, чтобы стоять со мной на равных.

— Я говорю не о том, — Казами выдала беспокойную улыбку. Она слегка помахала рукой вперед и назад. — Я говорю о балансе. Равные могут стоять только на одной чаше весов, ведь так? Тебе же нужен контрбаланс.

Саяма задумался над словами Казами. И:

— Кто-то такой будет либо противовесом, либо помехой.

— Выходит я противовес или помеха для Каку?

Легкая улыбка сопровождала этот вопрос. Саяма пожал плечами:

— Я не знаю ответа и не могу спорить с кем-то вроде тебя, кто знает ответ.

— О, как честно.

— Я честный человек, Казами. Просто, по какой-то странной причине, я время от времени попадаю из-за этого в неприятности. Не это ли имелось в виду, когда говорили — честный человек подобен глупцу? Да, наши предки произносили поистине великие слова.

— О да, бесспорно. Раз таким ты себя видишь в своей персональной вселенной, не мне тебя останавливать.

Саяма горько улыбнулся. Он переглянулся с Казами и произнес:

— Что ж, хорошо. Я признаю, что отношения, как у тебя и Каку, существуют. Однако сомневаюсь, что подобное случится со мной. К тому же, проблемно даже думать о том, чтобы поставить кого-то такого напротив меня.

— Проблемно?

— Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея. А что ты противопоставишь злу?

У Казами не было ответа. Она лишь опустила плечи и вздохнула:

— Ты реально сложный человек.

— Ооки-сенсей недавно сказала то же самое.

— Все это говорят. А еще нам интересно, когда же ты, наконец, возьмешься за что-то всерьёз.

— Я никогда этого не делал, потому, не могу сказать... и если бы сделал, я столь неопытен, что наверняка бы просто боялся самого себя.

— ...Какой же ты все-таки сложный, Саяма.

— Тебе не нужно повторяться, — сказал он с улыбкой, прежде чем слегка хлопнуть неподвижно лежащего на спине, будто во сне, Изумо. — Ты не спишь, правда? Давай быстрее возвращайся и ныряй с головой в свой непринужденный способ жизни.

— Э? — пробормотала Казами, взглянув вниз.

Изумо открыл глаза.

— Нуу...

— Не «нукай». Если ты проснулся, то чего не встаешь?

— Ты так приятно пахнешь, Чисато.

Когда Казами залилась краской, глаза Изумо счастливо закатились,

— Ха, — засмеялся Саяма, перед тем как похлопать Казами по плечу, повернуться спиной и уйти.

Он продолжил свой путь к главным воротам.

Сделав всего пару шагов, парень обнаружил еще одну фигуру.

Кто-то шагал вниз по ступенькам со второго этажа общего здания второго года.

Это был высокий престарелый мужчина. Он носил черный жилет, черные брюки и черные перчатки. Он был лыс и бородат.

— Зигфрид Зонбург, библиотекарь.

Саяма разговаривал с ним пару раз за время своей работы в школьном совете. Мужчина не очень словоохотлив.

— Его редко встретишь за пределами библиотеки, — пробормотал он, прежде чем продолжить путь.

Юноша снова осмотрелся вокруг, и не увидел ничего, кроме школьного пейзажа в середине весны.

— Какое мирное место.

Позади себя он услышал повторяющейся звуки ударов по телу и вопли Изумо.

Солнце клонилось к горизонту.

Его лучи, подобно ветру, просачивались сквозь лес, окруженный горами.

Лес в основном состоял из кедров. У одного из таких деревьев опустился одинокий силуэт.

Он сидел на земле.

Мужчина средних лет устроился так, что солнце освещало его сбоку. Его коротко стриженные волосы были влажными от чего-то, поблескивающего на солнце. Жидкость с его шевелюры стекала по лбу вниз и окрашивала левую половину лица темным цветом.

Одежда человека напоминала бело-черную военную форму. Однако ткань на левом плече и левой ноге разорвались, и нечто темное стекало и оттуда, сопровождаемое его прерывистым дыханием.

Мужчина выпрямил левую руку и поскреб ей по земле. С залитыми кровью глазами он уже мог ослепнуть. Левая рука продолжала шарить по земле.

В конце концов, ему удалось обнаружить что-то между камней и опавших листьев.

Это был длинный металлический пистолет. Сбоку виднелись выгравированные на немецком слова.

Он крепко сжал пистолет и глубоко вздохнул. Затем просунул палец в карман на правом бедре.

— На связи Цуурин Дайчи. Мое нынешнее местоположение — горы возле Пункта 3 между Окутамой и Сиромару. Я предотвратил побег одного из врагов. Я успешно прочел и отослал вражеское струнное колебание. В данный момент... всех, кроме меня, вывели из строя. Пожалуйста, поспешите.

Бесстрастный женский голос ответил где-то рядом с его горлом:

— Тэстамент. Спецподразделение уже в пути. Мы пришлем помощь и Вам, поэтому рекомендую отступить.

— Тэс... хотел бы я сказать. Но, к сожалению, моя нога выведена из строя. И мои лечебные заклинания и принадлежности уничтожены вместе с ней. У меня осталось лишь мое любимое оружие, на которое я могу положиться... Когда я просил поспешить, то имел ввиду спецподразделение, а не помощь мне, — он сделал глубокий вдох, обливаясь потом. — Враг из революционной армии 1-го Гира. Да, это оборотень из второй фракции Королевского Дворца. Он, вероятно, пришел на переговоры с мирной фракцией. У него, должно быть, есть

философский камень, раз он превратился в волка прямо в реальном мире.

— Прошу, воздержитесь от дальнейшей беседы. Концептуальное Пространство будет развернуто в течение пяти минут.

— Ха-ха. Сделайте так, чтобы работали серебряные пули. И еще, девушка... или может, молодая леди? Как бы там ни было, ты же не хочешь сказать, что это наша вина?

Ему ответила тишина. Он опустил глаза перед тем, как продолжить:

— Ладно. Мы допустили ошибку, что решили отправиться сами. В стандартном подразделении у нас есть право выбора... так ведь?

И снова тишина была ответом. Однако мужчина не остановился:

— Из какой ты части? Даже в спецподразделении, во многих частях девушки — это редкость. Но мне кажется, была одна часть, недавно сформированная. Она полнится выросшими в УСАТ прекрасными девушками и женщинами. Мне кажется, это что-то там ИАИ...

Он замолчал. Его глаза широко распахнулись, и мужчина поднялся, используя дерево позади себя как опору:

— Слушай, когда я вернусь, встретить меня с цветами. Это будет триумфальное возвращение. Что цветёт в это время года?

— Тэстамент. Мне кажется, Примула Модеста и подобное.

— Нет же, ты должна ответить «я цвету».

Он засмеялся, и вытащил правую руку из кармана. Затем переложил длинный пистолет из левой руки в правую, прикусил ремень, используя приклад и рукоять в правой руке, чтобы создать три точки опоры, и глянул вперед.

Мужчина почувствовал впереди себя ветер.

Перед заходящим солнцем, сияющим над горами, выступил громадный силуэт. Он медленно приближался, покачиваясь туда-сюда.

Не было никакого знака. Он просто последовал за звуком ветра и нажал на курок.

Выстрел пронесся через лес к свету заходящего солнца.

●

Находясь в поезде, следующим сквозь горы по пути к Окутаме, Саяма открыл глаза.

Он задремал в лучах закатного солнца, светившего в спинку кресла. И проснулся из-за...

— Поезд остановился?

Он окинул взглядом вагон. Единственные пассажиры, кроме него, — два человека, сидящих неподалеку.

Один из них — седоволосый мужчина, одетый в костюм. Второй — беловолосая девушка в черном, сидевшая рядом с ним. Они могли быть отцом и дочкой, и смотрели наружу в окно с противоположной стороны.

Саяма проследил за направлением их взгляда.

Там он увидел горы Окутамы. Округлой формы, без единого мелкого холма.

— Значит, мы у второго туннеля рядом с Сиромару. Всего одна остановка до Окутамы.

Парень знал местный ландшафт. Глядя на знакомые горы, он продолжил:

— Все благодаря Хиба-сенсею, который заставлял меня бегать через эти горы.

Если бы я не изучил местность, меня могли бы не найти до весны.

Подумав, Саяма кивнул и опустил взгляд на левую руку. Его кожа побелела вокруг костяшек на кулаке, словно чем-то присыпанная. Взгляд упал на кольцо на среднем пальце этой изрубцованной руки.

— Где-то здесь же мы и вышли из машины, когда мать взяла меня с собой в тот день...— прошептал он.

Судя по часам, было 17:30. Он должен прибыть в ИАИ около 18:00.

Просчитав время, парень напрягся. Затем встал, щелчком подправил воротник, и направился к двум другим пассажирам. Седоволосый мужчина поднял голову. Он носил темные очки, но Саяма смог определить, что тот смотрит прямо на него.

Парень отвесил быстрый поклон:

— Прошу прощения, почему поезд остановился?

— Получил стоп сигнал. Когда его освободят, он отправится в Сиромару.

В голосе мужчины звучали веселые нотки, и Саяма понял - тот был моложе, чем выглядел. Сначала парень предположил, что мужчина был в летах, но, приглядевшись, оказалось, что он на пороге среднего возраста.

Девушка рядом с ним носила черное платье и белый передник, как у горничной. Она явно не была его дочкой.

Я слышал, частная собственность вокруг местных гор простирается на большое расстояние.

Саяма обратил внимание, что девушка держала опору — металлическую трость, из тех, что цепляются к запястью. Для неё она казалась длинноватой. Однако на этом Саяма закончил свое исследование. Ему нужно было узнать кое-что еще:

— Почему поезд возвращается?

— Может, случилась авария.

— Ясно, — кивнул Саяма, осознав, что мужчина также не в курсе деталей.

Неожиданно девушка, сидящая рядом с мужчиной, взглянула на Саяму безразличным выражением лица, не двигая бровями. Ее темные, почти пурпурные глаза, всмотрелись глубоко в глаза Саямы.

Она сделала вдох и приоткрыла рот:

— Прошу меня извинить, — сказала она глубоким, довольно зрелым голосом.

— Ничего особенного, — ответил Саяма перед тем, как повернуться спиной к обоим.

Он открыл окно с противоположной стороны, и услышал позади себя тот же голос:

— Вы собираетесь сходить?

— Я не могу вернуться. К тому же, меня кое-кто ждёт.

— Вы чересчур торопитесь. Поезд может скоро снова двинуться. Когда будет слишком поздно возвращаться, Вы пожалеете о своем решении.

— Понятия не имею, что Вы за бог советов, но позвольте сказать Вам следующее: решение способно привести к радости также легко, как и к сожалению. Я ценю Ваше беспокойство, но мне знакома эта местность. И разве есть что-то поистине опасное в этом мире?

— Правда... чистая правда. В этом мире опасности нет, — произнес мужчина перед тем, как его губы расплылись в улыбке.

Как только пассажир развел свои ноги у сиденья, Саяма высунул свои в окно и выпрыгнул.

Парень приземлился на гравий, удерживающий железную дорогу. После чего выбежал на косогор, залитый лучами заходящего солнца.

— ...

Саяма не повернулся к поезду, оставшемуся на склоне за ним. Он продолжил двигаться к лесу, раскинувшемуся перед ним.

Юноша растоптал поросль, спускаясь с горы вниз.

Всего через пару вдохов он окунулся в тень, отбрасываемую лесом. Заходящее солнце краснело в стороне, а ветви деревьев раскинули на него сеть теней. Саяма хорошо помнил эти свет и воздух.

— Прошло два года с тех пор, как я перестал посещать Окутаму. Полагаю, Хиба Додзё еще на своем месте.

Вслед за этим комментарием, он услышал позади себя металлический звук.

Прозвучал свисток, и поезд тронулся. Юноша услышал, как тот направляется в сторону Сиромару. Отдалявшийся грохот колес сообщил Саяме, что он принял верное решение.

— Славно, — кивнул парень, и ускорил свой темп.

На станции Сиромару не было ни души.

Когда поезд остановился, на длинную и узкую платформу устало высадились несколько

пассажиров.

Недалеко от этих скучающих личностей находились два человека, с которыми Саяма разговаривал ранее.

Седоволосый мужчина стоял рядом с карточным таксофоном, расположенным в тени частного дома за пределами станции, и сжимал трость.

Девушка, одетая как горничная, стояла напротив и держала трубку зеленого телефона.

Она вытащила связку телефонных карточек из передника, словно это была колода карт, выложила их рядом с автоматом, и повернулась в мужчине:

— Итару-сама. Почему Вы не носите с собой мобильный телефон?

— Потому что я трус, Sf. Запомни это. Если эта штука зазвонит, у меня наверняка случится инфаркт.

— А что если мне носить его вместо Вас?

— Нет. Ты еще не обрела мастерство получать сообщения. Если ты не можешь сказать, что меня нет, даже когда я с тобой, тебе нет смысла носить мобильный. Понимаешь?

— Тэс... Мне стало ясно, что носить мобильный телефон будет бессмысленно на фундаментальном уровне.

Взиравшая на карточки девушка по имени Sf, прекратила их раскладывать. Она выкладывала часто используемые карточки в порядке эксплуатации.

Пробитые отверстия, показывающие количество использований, выстроились идеально, без малейших отклонений.

Sf безразлично подобрала одну из карточек с парой оставшихся применений и сунула ее в зеленый телефон.

Пальцем правой руки они мгновенно набрала номер.

Через пару секунд:

— Говорит Sf. Регистрационный номер 9609812В. Подключите меня к добавочному номеру #0013.

Затем Sf передала трубку мужчине рядом с собой. Он взял ее и проговорил:

— Это Ооширо Итару. Сибил, Отряд Левиафана уже выдвинулся?.. Ясно. Я только что встретил интересного глупца. Скоро произойдет нечто глупое. Мир глупого лже-добра и лже-зла скоро должен развернуться... Ты не понимаешь? Нет, кто-то вроде тебя или Sf, которые не пробудились, и не поймут.

Пока Итару говорил, горничная вставила новую карточку в зеленый телефон. Когда из трубки прозвучал негромкий звук, показывающий, что три минуты были добавлены, Итару кивнул Sf. Он продолжил разговор, увидев, что она кивнула в ответ.

— Sf подтвердила струнное колебание того глупца. Я попрошу её передать его тебе, так что добавь колебание парня к струнному колебанию Концептуального Пространства. Стандартный тип, а значит изменение не вызовет проблем, и снаружи все будет видно, так ведь? Вытащи его из реальности... что? Хочешь узнать, кто этот глупец? Скоро ты все узнаешь.

Услышав это, Sf спросила:

— Итару-сама, а это нормально - втягивать его таким образом?

— Этот щенок невежественно решил, что мир безопасное место. Мы должны преподать ему урок, и урок из первых рук будет лучше всего. Отныне его, несомненно, будут опровергать снова и снова. Отныне он будет отрицать все сущее, ибо все сущее существует. Он будет отрицать радость, ибо он знает радость. И... пожалуй, так будет до тех пор, пока мир не удовлетворится.

Итару слегка ухмыльнулся и передал трубку горничной.

— Sf, сообщи им его струнное колебание. А затем, мы научим его, что же такое реальность.